

«Как можно дальше от Берлина!»

Герман Гессе на Боденском озере

Доклад Фолькера Михельса

Герману Гессе было 27 лет, когда он приехал в Гайенхофен, и 35, когда он его покинул. Он прожил там с 1904 по 1912 год, то есть неполных восемь лет. По времени это не составляет и десятой части его земного пути, но это очень плодотворный отрезок в его творческой жизни, благодатным он оказался и для все еще очень прекрасной и тихой части «Швабского моря», называемой Унтерзее (Нижнее озеро), там, где Рейн оставляет Боденское озеро. Для этого клочка земли, как позднее и для всей южной Швейцарии, приезд Германа Гессе на жительство был началом нового этапа, когда сюда потянулись многие художники, обосновавшись тут надолго. Только на берегу Боденского озера так и не сложилась однородная колония художников типа деревушки Ворпсведе, что в окрестностях Бремена, несмотря на то, что побудительные мотивы переезда сюда писателей и художников совпадали – все они стремились к уединенной жизни на лоне неиспорченной природы, сохранившей свою девственность, чтобы вести здесь альтернативный образ жизни, далекий от той гибели, которую несли с собой цивилизация и индустриализация. И они знали, почему этого не произошло. Потому что все они приехали сюда не из провинции, а из больших городов: Гессе из Базеля, Отто Дикс из Берлина и Дюссельдорфа, Эрих Хекель из Дрездена и Берлина. Ибо где еще больше можно осознать контрасты города и точнее отобразить их – будь то художественное или повествовательное полотно, – как не в условиях, противоположных раздражающему перенаселению больших городов и их отравленной атмосфере? Первое, известное нам сегодня высказывание Германа Гессе о Боденском озере содержит его сообщение о простуде, которую он подхватил в середине декабря 1903 года во время поездки на пароходике от Меерсбурга до Кройцлингена в связи с его третьим визитом в швейцарский Эммисхофен к писателю Эмилю Штраусу, тот был на одиннадцать лет старше, а его появившийся за год до того «школьный» роман «Друг Хайн» имел громкий успех и вдохновил Гессе на описание собственных ученических лет в повести «Под колесами».

«У меня такая сильная простуда, – пишет он 9 декабря 1903 года в письме к своему другу художнику и архитектору Герману Хаасу, – что я света белого не вижу. Заработал я ее на Боденском озере, где был пять дней у Штрауса, автора романа «Друг Хайн». Все было великолепно, и я увидел много бесконечно прекрасного. Ратуши в Юберлингене и Констанце, замок в Меерсбурге, церкви в Райхенау и старая канцелярия в Юберлингене принадлежат к самому прекрасному, что я когда-либо видел, и никакая, даже самая жестокая простуда не стоит того, чтобы говорить о ней».

Гессе было тогда 26 лет, три месяца назад закончилось его обучение в Базеле у книготорговца и владельца антикварной лавки и уже состоялась публикация томика «Стихи» и сборника лирической прозы, появились первые рецензии в швейцарских и немецких газетах, сделавшие его имя известным. В том же году Самюэль Фишер в Берлине, самый видный немецкий издатель современной литературы, одобрил его первый роман «Петер Каменцинд», публикация которого наделала много шума, так что сразу обозначился международный успех книги, переведенной вслед за этим в 1905 году на норвежский, русский и шведский языки.

В 1902 году Гессе познакомился в Базеле с Марией Бернулли, дочерью адвоката, она была старше его на девять лет и уже открыла вместе со своей сестрой на улочке Боймляйнгассе ателье художественной фотографии – так значилось на фирменной вывеске. И поскольку именно она переставляла стрелки жизненного пути Гессе, настаивая на переселении на Боденское озеро, остановимся немного подробнее на этой личности и связанной с ней предыстории этого этапа в жизни Гессе. Вместе с Мией, как называл ее Гессе, первой женщиной в Швейцарии, ставшей профессиональным фотографом, кроме того, страстной пианисткой и любительницей прогулок в горах, писатель отправился весной 1903 года в свое второе путешествие по Италии, а вскоре после этого попросил у отца ее руки. Но адвокат и слышать не хотел о поэте в роли своего зятя и отписал жениху в связи с его второй попыткой 23 сентября 1903 года: «Я не могу признать Ваше сочинительство за профессию». Мало что вынес из «Петера Каменцинда», разве что похвалив автора за «достойный уважения характер», он однако сообщил ему – возможно, из-за чрезмерного восхваления вина в романе – следующее: «Дать своего согласия на союз с моей дочерью не могу».

Гессе, и без того испытывавший перед браком «неопределенное чувство страха», опасаясь слишком тесных семейных уз, которые могли стать препятствием на его писательском пути, казалось – о чем свидетельствуют письма, написанные у нему вскоре после этого его подругой, – готов был принять опасения отца Бернулли в качестве подтверждения собственных колебаний и соблюдал по началу дистанцию. «Я так тоскую по тебе, – пишет Мия в январе 1904 года, – что не остается ничего другого, как приехать к тебе, раз уж от тебя нет никаких вестей... возможно, в свое время я слишком настаивала на женитьбе, это давило на тебя и ты утратил терпение, но мне хочется, чтобы сейчас ты не испытывал никакого нажима, потому что внутренне я убеждена, что несмотря на все кажущиеся препятствия, мы все равно победим и все преодолеем. Мне иногда кажется, что то, как я живу без тебя, всего лишь пустая трата времени». И два дня спустя еще: «Ты должен быть свободен. Ты никогда не давал мне торжественного обещания... Я понимаю, что для твоего развития как художника необходимо не быть обязанным уделять кому-то внимание и чувствовать себя связанным... Я думала, что смогу служить тебе своей любовью и сделать твою жизнь

прекрасной, а видишь, все обернулось своей противоположностью... Прощай, ты мой единственный, прости мне, что не могу расстаться с тобой так, чтобы ты этого не заметил... Но я хочу еще сказать тебе, что вся моя любовь всегда будет принадлежать только тебе одному, даже если я не смогу удержать тебя!»

Ответные письма Гессе на эти послания Мии, к сожалению, не сохранились, за исключением отдельных листков. Они погибли при пожаре в феврале 1942 года, когда сгорел дом Мии в Асконе. Но встречные письма свидетельствуют, что их настойчивость не прошла бесследно. «Ты мое сердечко, – пишет с благодарностью Мия через три дня, – спасибо тебе тысячу раз за то, что не пожелал остаться один и что я могу быть с тобой... я хочу всю свою любовь устремить на тебя, чтобы она заливала тебя, как теплый и ясный солнечный поток. Мы принадлежим друг другу, и ничто больше не разъединит нас».

Все произошло довольно быстро. На Троицу они объявили о помолвке, с согласия или без согласия тестя, и с этого момента влияние Мии бесспорно – во всем, и в скором переезде на Боденское озеро тоже. Когда, например, в феврале 1904 года Гессе носился с мыслью принять ради упрочения материального благополучия семьи сделанное ему при посредничестве Вильгельма Шефера предложение начать работать редактором в газете «Франкфуртер цайтунг», она отсоветовала ему делать это. А когда он в апреле подумывал о том, чтобы перебраться после женитьбы в Швабскую Юру, она написала: «Откровенно говоря, мне не очень хочется жить в Швабии... кроме того, в Швабской Юре очень мало воды, я считаю, что лучше, если уж перебираться в провинцию (*а это, очевидно, было уже окончательно решено*), то нужно все-таки предвидеть и такое, чтобы купаться летом не только в ванне, а иметь на худой конец хотя бы ручей под боком». Поэтому и, пожалуй, из-за наибольшей близости к Швейцарии, баденский Шварцвальд был ей гораздо милее. Она, правда, подумывала и о швейцарском «Штайне-на-Рейне, что столь очарователен, к тому же жизнь там намного дешевле. И совсем близко от Эмиля Штрауса, что тоже, по-моему, совсем неплохо». Похоже, что Гессе соглашается с этим, хотя и не называет пока определенного места. Тогда 31 мая 1904 года Мия дает объявление о том, что ищет квартиру в баденской части Боденского озера. Через две недели она едет к Эмилю Штраусу в Эммисхофен, чтобы в течение четырех дней посмотреть квартиры в Юберлингене, Унтерульдингене, Вангене, Хемменхофене и Гайенхофене, где домик рядом с часовенкой нравится ей больше всего. Со своим знакомым базельским архитектором Хансом Хиндерманом она приезжает сюда еще раз 2 июля, чтобы дать возможность специалисту оценить дом и землю и заключить сразу после этого договор о найме. И все это без всякого активного участия жениха, уединившегося с октября 1903 года в Кальве, чтобы закончить там, на месте разворачивающихся по сюжету событий, трагическое повествование «Под колесами» и две работы по заказу берлинского издательства «Шустер & Лёфлер» – монографии о Боккаччо и Франциске Ассизском.

2 августа, после того как рукописи были отправлены, а на Боденском озере невеста вовсю хлопотала над устройством семейного гнездышка, можно было наконец и пожениться – в первую очередь из-за многих друзей и родственников в Базеле. «Моя свадьба, – сообщает Гессе своему коллеге Стефану Цвейгу, – прошла галопом, потому что мой тесть не давал на нее согласия... я приехал, пока его не было в Базеле, и мы экспромтом отправились в ратушу и зарегистрировали наш брак. Теперь старик мечет громы и молнии издалека, но, кажется, постепенно успокаивается. А я однако все же человек женатый и с цыганской кочевой жизнью наконец-то покончено». И еще в тот же вечер, скорее всего, чтобы избежать встречи с тестем, новобрачные снялись с места и скрылись с глаз долой, делая остановки в Шаффхаузене, Констанце, Рейнекке и Эрматингене по дороге на Штекборн, чтобы перебраться в Гайенхофен со швейцарского берега. Шесть ящиков с книгами уже прибыли из Базеля. Но еще несколько дней они дожидались доставки мебели, а письменный стол, изготовленный в Мюнхене собственноручно другом Германом Хаасом по точным меркам Гессе, прибыл только спустя три недели.

Тогда в деревушке Гайенхофен было всего 300 жителей. Здесь, на немецком берегу Боденского озера, еще не было ни электрического света, ни газа, ни водопровода, не говоря уже об удобных средствах сообщения с остальным миром. Самым комфортабельным способом передвижения был пароходик из Констанца на противоположный швейцарский берег до Штекборна, а оттуда паромом через озеро. И магазинов в деревушке тоже никаких не было, был только пекарь, так что Гессе в дальнейшем приходилось дважды в неделю переправляться на лодке на другой берег в Штекборн, чтобы обеспечить себя всем необходимым для жизни. «Я уже выучил наизусть весь таможенный тариф на все съестные продукты и т. д., – писал он через три недели после прибытия Александру фон Бернусу, – но предпочитаю этому, по возможности, контрабанду». Зато жилье было дешевым. За 150 марок в год – об этом можно было только мечтать (хотя курс тогда был, конечно, выше, сегодняшнего) – крестьянин Хепфер предоставил в их распоряжение половину своего хутора: пять небольших комнат; другая же половина со стойлом и сараем использовалась им самим в хозяйственных целях. И тем не менее он сам себе хозяин «в доме, где есть жена, кошка, служанка, множество жучков и улиток», – сообщает Гессе вскоре после переезда своей бывшей хозяйке, у которой он снимал комнату в Базеле.

«Напротив часовни св. Маурициуса и деревенского колодца, недалеко от школы и мощной липы, посаженной в честь мира 1871 года, – вспоминает Гессе в одном письме пятидесятых годов, – мы устроили свою жизнь. Жилая часть дома состояла из кухни и двух комнат, в той, что побольше, стояла огромная кафельная печь зеленого цвета и висело кое-что из так называемого «искусства», она была нашей гостиной и столовой. Грубые деревянные лавки стояли вдоль стен, обшитых гладкими досками, там было тепло и уютно».

Такая скромная обстановка вдали от больших городов и пышной культуры плюшевых штор и мебели, характерных для «бель-эпок» времен кайзера Вильгельма II, полностью отвечала идеалам молодоженов, решивших вести здесь альтернативный городской жизни здоровый, трудовой и непритязательный образ жизни художников, следуя примеру собственного героя Гессе, Петеру Каменцинду, последователю Руссо, Торо и Толстого – «крестных отцов» сегодняшних «зеленых», – позволяя себе роскошь только в одном: жить среди прекрасной и неповторимой природы. Ибо истинный поэт, записывает Гессе в своем размышлении о «Родине по выбору», является во многих отношениях «самым непритязательным существом на свете». Но с другой стороны, он опять же требует очень многого и скорее умрет, чем откажется от этого. «Для меня, например, было бы абсолютно невозможно жить, если бы окружение не предлагало мне хотя бы минимум подлинной природы и подлинных картин. Жить в современном городе, среди холодной утилитарной архитектуры, среди имитации дерева, среди сплошного эрзаца и обмана, было бы для меня совершенно невозможно, я бы скоро погиб».

С самого начала Гессе был полной противоположностью лакированным литераторам цивилизованного общества. По мере возможности он избегал помещения со скоплением публики, в том числе и салоны интеллектуалов. И общественность он тоже никогда не любил, это было для него слишком обременительно жить в таком окружении, где признаются только имена и титулы. «Моя жизнь никогда не была для меня слишком частной, так что я никогда не присутствовал ни на каких сборищах знаменитостей, будь то салон, клуб, бал или банкет; мне не составляло труда уклоняться от этого, потому что я всегда жил далеко в провинции», – записывает он в 1933 году.

Декадентство, групповщина, протекция и напомаженная репрезентативность всегда были ему противны. Возможностей для этого у него было более чем предостаточно, поскольку «Петер Каменцинд» произвел фурор и в кайзеровской столице. «Мне необходимо по тысяче причин, – писал Гессе тогда из Гайенхофена, – прибыть в Берлин, и меня от этого жуть берет. Единственное, что мне нравится в Берлине, так это то, что он так далеко отсюда». Своего издателя, несмотря на настойчивые призывы – из упрямства и в пику другим авторам издательства С. Фишер, – он так ни разу и не посетил, а в одном написанном вскоре после переезда в Гайенхофен стихотворении об этом сказано самым недвусмысленным образом:

Пригласеньями отовсюду
засыпан по горло я.
Тьма тонконового люду
в залах вокруг меня.

Народ изысканный самый,

чьи имена звучат,
одни сочиняют драмы,
другие романы строчат.

И каждый корчит всезнатца,
и спасу от крика нет,
и стыдно мне признаться,
Что я тоже – поэт.

Поэт – такое, пожалуй, соседи по Гайенхофену тоже вряд ли могли предположить о нем. Поскольку в ту пору помимо крестьян и рыбаков там не было никаких умельцев или строителей-мастеров, он ко всему прикладывал руки и все время сам ремонтировал старый, уже тогда довольно ветхий дом – от крыши и чердачного помещения до каменного пола.

Он, сообщает хозяйственный и экономный шваб Гессе, «выпрямил все гвозди от ящиков, использованных при переезде, один за другим на каменном пороге их дома и заткнул все зияющие щели на верхнем этаже паклей и бумагой, после чего покрасил наружные балки фахверковой конструкции красной краской». Но едва семейный очаг наполовину уже обустроен, как жену Мию прихватывают болезненные атаки ревматизма – причиной тому был либо непривычно влажный климат Боденского озера, либо перегрузки, связанные с переездом, – так или иначе, но только приступы боли были такими сильными, что пришлось на три месяца переправить ее назад в Базель в больницу. Неудивительно, что Гессе тогда в одном из писем к своей коллеге писательнице Хелене Фойгт-Дидерихс жаловался: «В маленьком домике мир и уют, а черт с рогами уже тут как тут».

Он сообщает об этом и Стефану Цвейгу – одному из друзей, а их было около сотни, посетивших Гессе в первый год его жизни в Гайенхофене. Восторженный писатель из Вены с энтузиазмом шагнул через порог маленького кабинета Гессе на первом этаже и, не заметив низкого дверного косяка, с такой силой ударился лбом, что вынужден был четверть часа лежать, прежде чем смог произнести хоть слово. Впрочем, и другие посетители тоже лишались иногда дара речи, особенно если заявлялись без приглашения. Потому что могло случиться и так, что они заставляли Гессе в летние месяцы в костюме, состоявшем только из очков и сигары, согласно обычаям нудистов, которым он следовал не только во время купания в озере, правда, тогда уж без сигары.

Насколько серьезны были его намерения не подпускать на пушечный выстрел нежелательных посетителей и навязчивых туристов, только отнимавших у него время, и, напротив, приветствовать друзей радостным салютом, сегодня уже не представляется возможным установить достоверно, хотя и не кажется таким уж абсолютно невероятным, учитывая его любовь к

фейерверкам и иллюминациям. Гессе пишет об этом в одном из своих ответов на письма читателей, которых и тогда уже было так много, что в конце 1904 года он подал в соответствующую инстанцию Великого герцогства Баден в Констанце заявку на учреждение собственного почтового отделения в Гайенхофене. Через три недели после прибытия на Боденское озеро он приобрел вёсельную лодку для поездки за продуктами и для прогулок, которые совершал на близлежащий остров Райхенау, или в Торгау, а также в чуть дальше расположенные Штайн-на-Рейне или Шаффхаузен. «Презрев в известной степени смертельную опасность, – писал он в ноябре 1904 года своему коллеге писателю Вильгельму Шмидтбонну, – можно было бы даже попробовать ходить под парусами». Некоторые описания, передающие впечатления и настроения, собранные позднее в его книге о Боденском озере, возникли благодаря этим лодочным прогулкам и отличаются большой непосредственностью восприятия и красочностью пейзажных картин в разное время года.

Знакомясь с этими описаниями, и сегодня не утратившими своего эмоционального воздействия на читателя, передающими крик чайки или сияние солнечных лучей, чувствуешь себя не очевидцем или сторонним наблюдателем, а неотъемлемой частью единой природы на воде и берегу Боденского озера. Эта необычайная чувственность прозы Гессе, не оставшаяся незамеченной даже для известного своей критичностью Курта Тухольского, навела венского сатирика Франца Блайя на мысль охарактеризовать собрата по перу в его «Литературном зверинце» следующим образом: «Птица Гессе – так зовут премилого лесного голубя, которого не встретишь больше в дикой природе. По причине своей хрупкости он стал излюбленной комнатной птицей, которая живет в клетке и восхищает посетителей тем, что и в клетке ведет себя так, словно она все еще на воле. Это порождает у горожанина сенсационное ощущение природы, усиливающееся благодаря микрожелезам птицы, выделяющим особый запах, слегка напоминающий аромат хвойных лесов». Забавный и любезный отзыв, не лишенный однако ревностной ехидности.

Не менее впечатлительно, чем природу, или, скажем, такие явления как фён – сильный и порывистый теплый ветер, дующий в долины с гор, – как формации облаков и масс воды, разнообразный и переменчивый ландшафт Боденского озера, Альп и их предгорий, описывает Гессе людей. Во время его многочисленных прогулок, которые он совершает из Гайенхофена в ближайшие окрестности, от него, например, не ускользает, что в поездке через Аппенцель, начиная от Романсхорна, так и кажется – из-за заметно возросшего числа местных жителей среди пассажиров, – что движение поезда «приятным образом замедлилось: исключительно по причине диалекта, людских фигур, лиц и жестов»; или, например, его наблюдения по поводу отношения к смерти: поскольку в небольших по числу жителей деревнях на берегу Боденского озера смерти случаются относительно редко, они вызывают больше сочувствия, чем в городах, где «люди умирают каждый день, и никто, кроме самых близких, не

обращает на это внимания». Уважение к тому, что объединяет и связывает людей, нельзя не почувствовать в его написанных на берегу Боденского озера размышлениях. Не только из-за тесных родственных связей между людьми, живущими в этом уголке земли, где сходятся три немецкоязычных страны, но и благодаря своему собственному интернациональному происхождению Гессе никогда не составляло труда перешагнуть через произвольные территориальные границы и не замечать узколобого национализма. «Моя вера в расы, – пишет он в 1918 году, – никогда не была для меня конструктивной, тем не менее я – алеман, причем сильнее и убежденнее, чем большинство из тех, которые являются таковыми по национальному признаку... Эта юго-западная немецко-швейцарская земля – моя родина и то, что через нее проходят границы многих стран и в том числе имперская граница, мне доводилось частенько ощущать как в малом, так и в большом, однако в глубине души я никогда не воспринимал эти границы как естественные... Присутствие этих границ нигде и никогда существенно не отражалось на людях, в их языке и обычаях заметных различий не было, не видно этого было ни по одну, ни по другую сторону границы и в пейзажах, манере обработке земли, в архитектуре строительства домов, в устройстве семейной жизни... Для меня родина была по обе стороны верхнего течения Рейна, независимо от того, называлась ли земля Швейцарией, Баденом или Вюртембергом... Всю свою жизнь я ощущал границу между Германией и Швейцарией не как что-то естественное, само собой разумеющееся и священное, а как нечто произвольное, отделяющее от меня родные мне земли. И поэтому очень рано из этого ощущения выросли во мне недоверие к границам между странами и та внутренняя, часто страстная любовь ко всем добрым человеческим качествам, которые в самой своей сути игнорируют границы и создают иные ценности, свидетельствующие о более глубокой принадлежности друг к другу, чем по политическим мотивам». Подобная позиция, осуждаемая многими его критиками как «внеисторическая», как «эскападная» и «сентиментальная» выходка, сделала для Гессе позднее невозможным участие в несентиментальном понимании действительности и «исторической заинтересованности» в двух мировых войнах. Вместо этого он почувствовал себя с возрастом «призванным ценить все то, что связывает нации, идеологии и религии значительно выше того, что их разъединяет».

Именно благодаря этому фактору описания, сделанные в годы жизни на берегу Боденского озера, лишены налета провинциальной назидательности, свойственной местнической литературе. Ему одинаково дороги и важны как его происхождение, так и его малая родина, и он никогда, до глубокой старости не отрицал и не отказывался от своего швабского диалекта, а всячески развивал его. Но никогда и ничем он не выделял своего происхождения в ущерб другим сторонам жизни и привязанностям. Так в самом начале первой мировой войны он пишет:

«К простейшим человеческим потребностям, о которых обычно никто даже не задумывается, поскольку они не чувство голода и не дают о себе настойчиво

знать, относится и родина. Под этим словом я не понимаю отечество... Я имею в виду картины, который каждый из нас с детства хранит в себе как самые дорогие воспоминания. Они не потому так прекрасны, что родина непременно прекраснее всего остального мира, а потому что она то самое первое, что мы, испытывая первую неопишемую благодарность, видим своим свежим детским взором. И это отнюдь не сентиментальность. Самое надежное, что у нас есть, пока мы не достигли вершинных ступеней духовности, это родина. Под этим можно понимать самое разное. Родиной может стать пейзаж, или сад, или мастерская, или даже звон колоколов, или запах. То, о чем идет речь, это воспоминание о периоде роста, о первых, самых сильных, потаенных впечатлениях от жизни. К ним относится и речь родных мест. Мне, живущему на чужбине, при каждом возвращении домой первый же кондуктор на железной дороге кажется щебечущей райской птичкой... Это затрагивает самые глубинные струны души, надежно запрятанные в той маленькой кладовой, которую мы храним со времен ранней юности. Там покоятся и наслаиваются друг на друга картины и впечатления, которым мы часто не придавали значения, но все вместе они – густой насыщенный раствор и лучше его не взбалтывать, иначе выпадут крупные кристаллы».

Но вернемся назад на Боденское озеро. В литературном отношении Гессе эксплуатировал свое пребывание в Гайенхофене в течение восьми лет очень продуктивно и с точки зрения тематики удивительно разнопланово. Здесь возникло 25 рассказов и повестей. В качестве примера достаточно назвать «В лучах позднего солнца», «Мраморная пила», «Когда я был школьником», «Июль-сенокос», «Как прекрасна молодость!», «Лаидель», «Анютини глазки», «Обращение Казановы» и первая часть «Кнульпа» – частично все они сюжетно еще связаны с Кальвом. Все эти тексты, едва они были закончены, тут же были полностью напечатаны в германских, австрийских и швейцарских газетах, задолго до того как они появились в книжных изданиях в таких сборниках как «По эту сторону» (1907), «Соседи» (1908) и «Окольные пути» (1912). Многие сборники стихов, как собственных, так и других авторов, а также романы «Под колесами» и «Гертруда» тоже приходятся на период творчества в Гайенхофене. Роман «Гертруда» Гессе опубликовал к большому неудовольствию своего издателя Самюэля Фишера не у него в Берлине, а у его мюнхенского конкурента Альберта Лангена, в сатирический еженедельный журнал которого «Симплициссимус» Гессе регулярно посылал, начиная с 1905 года, короткие рассказы и стихи.

В сопровождении гениального иллюстратора Томаса Теодора Хайне живой и легкой на подъем издатель Альберт Ланген впервые посетил Гессе на Боденском озере в марте 1905 года и предпринял попытку, суля ему блистательные перспективы сказочного сотрудничества, переманить Гессе к себе. Но значительно больше чем заманчивые финансовые предложения, которыми Гессе не преминул воспользоваться, чтобы оказать давление на своего берлинского издателя, импонировали ему открытость всему миру и

гражданская смелость предприимчивого Альберта Лангена, который из-за нападков на кайзера Вильгельма II вынужден был эмигрировать во Францию, но тем не менее ухитрился сделать свое издательство инструментом его главной цели – сохранения открытости Германии по отношению к соседним европейским странам в культурных сферах. И противостояние Лангена заносчивому, надменному, центристскому диктату прусской культурной политики (в отношении воспринимаемых там с улыбкой провинциальных и отсталых художников слова юга Германии) Гессе тоже одобрял и потому охотно принял предложение Альберта Лангена сотрудничать в издании нового журнала, где будет публиковаться все, что могла предложить южнонемецкая, швейцарская и австрийская культура и который в память о демократических революционных событиях 1848 года получил название «Март». Ради осуществления этого замысла крошечный Гайенхофен стал тогда центром культурной немецкой политики, когда мюнхенский издатель снова прибыл в апреле 1906 года в Гайенхофен, на сей раз в сопровождении Людвиг Томы и Олафа Гульбранссона, чтобы основать журнал. Они прибыли, поднимая пыль в прямом и переносном смысле, в одном из первых автомобилей уже серийного производства. И

33-летний тогда Альберт Ланген воспылал такой страстью к новому способу передвижения, что год спустя взял на себя генеральное представительство фирмы по распространению автомобилей в Баварии и Вюртемберге, страсть, которая в скором будущем стоила ему жизни. Не достигнув и сорока лет, он умер в 1909 году от последствий тяжелого воспаления среднего уха, случившегося у него после того, как он попытался догнать в открытом кабриолете дирижабль «Цепелин».

Рубрику «Культура» в журнале «Март», который Гессе называл «боевым листком решительной оппозиции», он вел в течение пяти лет до самого своего отъезда из Гайенхофена. Для этого ему приходилось часто ездить в Мюнхен. Но после смерти Альберта Лангена его работа там оказалась сопряженной с некоторыми трудностями, так что в дальнейшем он с удовольствием передоверил издательскую деятельность молодому Теодору Хойсу.

В начале 1907 года, когда вышли первые номера нового журнала, Гессе принялся за строительство собственного дома поблизости от Эрленлоо. Тем более что к этому времени родился уже первый сын, два других тоже появятся на свет в этот же период его жизни – на берегу Боденского озера. Беспроцентная ссуда базельского тестя, очевидно смирившегося со своим, ставшим тем временем знаменитым зятем, облегчила задачу вложить в строительство 20 тысяч марок – наконец-то в доме появилось электричество и водопровод.

К этому представительному загородному дому с восьмью комнатами, верандой и террасой, просторным кабинетом на втором этаже, откуда тогда еще открывался прекрасный вид через Боденское озеро на собор в Констанце и на

гряды Альп, примыкал первый собственный сад и огород, который должен был стать ощутимым подспорьем в хозяйстве увеличившегося семейства. Заниматься садом и огородом очень скоро стало любимым времяпрепровождением Гессе. О результатах его трудолюбия, о плодородии по-деревенски пышно цветущего сада, об изобилии цветов, о более чем тридцати фруктовых деревьях и аллеях подсолнухов много рассказывали и писали приезжавшие гости. «В разведении сада есть что-то от духа созидания и гордости творца, – писал тогда Гессе. – Можно по своему желанию и воле преобразить кусок земли, можно вырастить за лето свои любимые плоды и овощи, создать любимые краски, любимые запахи. Можно превратить маленькую грядку, несколько квадратных метров голой земли в цветущее и смеющееся море красок». Один из его гостей, молодой учитель из расположенного на другом берегу озера исправительного дома для подростков в Гларисегге, написал спустя несколько десятилетий в «Лозаннской газете», как Гессе водил его тогда по своему новому саду и при этом обращал особое внимание на главную дорожку, посыпанную песком. «Посмотрите, как хороша эта плотно уложенная дорожка. Под песком добротно устроенное ложе, но не из камня – там прекрасно лежит аккуратными слоями вся современная немецкая литература». В письме к своему младшему сыну Мартину в сентябре 1944 года Гессе подтвердил правильность этих слов: «Под песком в Гайенхофене было много чего, но не камень, я выстелил дорожку исключительно бесполезными книгами и журналами». Это было насколько целесообразно, настолько же и не традиционно. Поскольку Гессе уделял большое внимание рецензированию книг, он получал от издателей ежегодно до 500 изданий, от негодных из них он избавился таким нестандартным способом, пустив их на «подложку».

В большинстве его писем, написанных в Гайенхофене, проскальзывает стремление взорвать привычное, их отличает некая свежесть, веселье, нередко даже нарочитая дерзость. Ему доставляло удовольствие противопоставлять общественным взглядам живущих в достатке мещанских сословий кайзеровской Германии свой стиль жизни, отмеченный вызывающей простотой, а напыщенному манерничанью коллег-интеллектуалов – лаконичную связь с практикой жизни. Что-то из этой антипатии ко всему надуманно возвышенному, к этой пустозвонной тарабарщине просматривается и в его возникших тогда рассказах о подмастерьях, бродягах и чудаках. Постепенно в Гайенхофене все же стала собираться небольшая колония художников, и вскоре все способы художественного выражения – поэзия, живопись и музыка – тесно переплелись в творчестве друзей Гессе, что положительно сказалось на качестве конечного результата.

Первый, кто последовал за ним в эти места, был друг его молодости, врач и поэт из Тюбингена, Людвиг Финк, навсегда поселившийся в Гайенхофене с конца 1905 года. Алеманнские поэты-коллеги Эмиль Штраус, Эмануэль фон Бодман, Якоб Шафнер, Вильгельм фон Шольц, Вильгельм Шуссен и Кристиан

Вагнер всегда были желанными гостями. Из Штутгарта приезжал Вильгельм Ланг, писатель и редактор Немецкого издательского дома, вместе с которым Гессе составил антологию народных немецких песен «Под липами». Из Мюнхена, помимо Альберта Лангена, приезжал также молодой издатель Георг Мюллер в сопровождении Лео Грайнера, руководителя кабаре «Одиннадцать палачей», или Вильгельм Шефер, издатель задававшего тон в мире искусств журнала «Рейнская провинция», приезжали много раз и Якоб Вассерман, и Стефан Цвейг, и Карл Гауптман, забытый брат Герхарта Гауптмана. Помимо них, еще многие друзья-музыканты и художники, как, например, Макс Бухерер, резчик по дереву, перебравшийся сюда из Базеля в 1905 году, художник Вильгельм Штайнхаузен из Франкфурта, художники-иллюстраторы Людвиг Реннер и Отто Блюмель, создавший оформление романа Гессе «Гертруда» и сборников стихов «В пути» и «Песни немецких поэтов», а также чрезвычайно оригинальные «теневые» картинки к книжке в шутливых стихах о путешествии Гессе в Индию («Смотри-ка, Европу покинул / И в тропиках чуть не сгинул»). Приезжали живописцы Эрнст Вюртенбергер, написавший здесь в 1905 году портрет Гессе, и Фриц Видман, спутник многих путешествий в Северную Италию, музыканты Эдвин Фишер и Альфред Шленкер, зубной врач и композитор из Констанца, для которого Гессе написал в 1910 году либретто к опере «Беглецы» и который привез к нему в марте 1911 года в Гайенхофен молодого швейцарского композитора-песенника Отмара Шёка. Этого автора конгениальных мелодий Гессе воспринимал как родственного себе по духу творца. В 1910 году он написал Теодору Хойсу: «Во мне, лирику в душе, страсть к мелодии, возможно, даже превалирует над глубиной проникновения в тему».

Но едва было достигнуто то, о чем Гессе так долго мечтал, обретение родины и своей принадлежности к ней, как уже заявили о себе в его вечно колеблющейся между оседлой и кочевой жизнью натуре первые предвестники будущих перемен. Подобно родственному ему по духу Роберту Вальзеру его довольно часто тянуло к смене декораций, к переездам и вообще дальним путешествиям. «О вы, странники, – писал он в те годы, – вы, веселые и ветреные повесы, каждому из вас, подавая пятак, я с завистью гляжу вслед, как вольному королю!» В быстрой готовности к переменам и ко всему новому бродяги для него как заноза, как вечный укор – не засиживаться на одном месте! Не случайно поэтому попадают в его поле зрения при описании «Пешего путешествия осенним днем» сытые и самодовольные ровесники, которых он знал раньше, когда «один поцелуй был им дороже жизни, а целым миром они с легкостью жертвовали ради какой-нибудь дурацкой выходки», а теперь «обзавелись бакенбардами и дородными женами и вели филистерские разговоры о ценах на недвижимость и волновались по поводу изменений железнодорожных тарифов».

Попытка избавиться от этой проблематики в своей «бродяжнической» повести «Кнульп» удалась тогда только наполовину. Рукопись осталась лежать

незаконченной. Лишь через несколько лет, после того как ему удалось хотя бы внешне расстаться с Гайенхофеном, а первая мировая война положила конец легкомысленному бродяжничеству, он сумел закончить повесть. «*Taedium vitae*» – «Пресыщение жизнью» – таково примечательное название рассказа последних лет жизни в Гайенхофене.

Не одно только пресыщение ландшафтами Боденского озера было причиной того, что после восьми лет Гессе бежит от идиллии этих мест. Он убежал бы тогда и из любого другого места. Это случилось в сентябре 1911 года: через пять недель после рождения его третьего сына Мартина он срывается с места и отправляется в самое дальнее путешествие в своей жизни – в Индию, куда уехали в свое время миссионерами его родители и их родители, так сказать прародители, тоже. В середине декабря он возвращается, и вскоре после этого зреет решение навсегда покинуть Гайенхофен и продать построенный всего лишь четыре года назад дом. В сентябре 1912 года он переезжает со своей семьей «в опустевшую аристократическую усадьбу» под Берном – в дом недавно умершего художника и друга Альберта Вельти. Самый спокойный и уединенный период в жизни Германа Гессе завершен. На пороге первая мировая война, а с ней «спала пелена с глаз, закончилось приятное время слепоты и безответственности», как напишет он позднее, оглядываясь назад на годы своей жизни на Боденском озере. Наступающая вторая половина его жизни «была драматичной», констатирует он в 80 лет, «наполнена борьбой и врагами, бедами и их последствиями, но силы выдержать эту беспокойную половину жизни дала, как мне кажется, ее первая, более тихая и спокойная жизнь, почти сорок лет мира, они были мне отпущены, прежде чем бурный глобальный театр так настойчиво дал нам о себе знать. О войне говорили как о закалке, – продолжит он, – но по моему опыту волю и дух укрепляет только мир».

Доклад сделан 22 июля 1995 года в музее Германа Гессе в Гайенхофене на полуострове Хёри.

© *Volker Michels, 1995*